

ПРОПОВЕДЬ КАК ОСОБЫЙ ВИД ТЕКСТОВ ВОЗДЕЙСТВИЯ (К ИСТОРИИ ВОПРОСА)

Проповедь как неотъемлемая часть христианского богослужения давно заняла прочное место в трудах известных богословов [2; 3; 4; 5; 10; 11; 14] и даже является предметом изучения особой богословской науки – *гомилетики* (от греч. *Homileo* – общаюсь с людьми).

В самом общем смысле *проповедь* трактуется как "христианское наставление, как правило, преподаваемое в храме за литургией, имеющее своей задачей *поведа́ть* и разъяснить слушающим учение Христа" [13, 458].

Однако как весьма оригинальное явление речевой деятельности проповедь еще не нашла достойного отражения в лингвистических исследованиях. Возможно, это объясняется тем, что даже в гомилетике главный вопрос учения – о существе и природе проповеди – до сих пор представляется еще нерешенным и спорным: одно ли и то же, по своей природе проповедь церковная и ораторское искусство вообще? Является ли проповедь "словом разума и словом премудрости" или же это "явление духа", ипостась высшего порядка, не доступная человеческому разуму, а, следовательно, и изучению с точки зрения законов человеческой логики и мирского знания? В каком взаимоотношении находятся естественные способности к ораторству и благодать при проповеди [12, 161]?

В зависимости от ответа на эти вопросы возникли два направления в гомилетике – *профетическое*, настаивающее на вдохновенном

происхождении проповеди, и *риторическое*, трактующее проповедь как вид ораторского искусства, как церковную риторику, подчиненную, наравне со всякой риторикой, законам Цицерона и Квинтилиана.

Сторонники *профетического направления*, отрицая элемент авторского субъективизма в проповеди, опирались на слова апостола Павла из 1-го послания к Коринфянам: "И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, а в явлении духа и силы, чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией" (1 Кор.2: 4-5) [9, 290].

Как известно, отрицательное отношение к ораторству возникло у апостолов. Однако апостолы и первые христиане выступали лишь против внешней художественности слова, против тех отрицательных черт, которыми характеризовалось современное им ораторское искусство: пустой риторической напыщенности и неумеренного панегиризма. Этим они защищали еще не окрепшее новое учение от посягательств ораторского искусства и философии, поскольку всякая изысканная искусственность представляла опасность неискренности и служения личному интересу [4, 119].

Апологеты *риторического направления* (среди которых были известные гуманисты Рейхлин и Эразм Роттердамский), рассматривали проповедь как ораторское произведение, лишь известным образом приспособленное для нужд церковного учительства. Это направление имеет более продолжительную историю и господствует и сейчас. Возможно, основанием этому послужил образ первого христианского проповедника – самого Христа, проповеди которого, по свидетельствам апостолов, не были чужды риторике. Как писал известный исследователь проповеди J.J.Murphy: "*It must be remembered, that although Christ's religious message was revolutionary, His methods of communication were not*" [15, 269].

Существование этих двух направлений в гомилетике можно объяснить, на наш взгляд, тем, что будучи одной из функций церкви, проповедь несет в себе ту же двуединость, что и церковный институт: с одной стороны церковь обращена к Богу, она – "Невеста Христова", с

другой – к человеку, она – "мать всех христиан". Поэтому проповедь, "выступая посредницей между Богом и людьми, с одной стороны, представляет божественный императив в понятия, доступные человеческому разумению, а с другой, – наоборот, согласует категории человеческого мышления с богооткровенной истиной" [8, 10].

Любой современный исследователь, знакомый с образцами проповеди наших дней, с большей готовностью отдаст предпочтение риторическому направлению, так как профетическое направление представляется весьма неубедительным в силу его экзальтированности и склонности к экстагичности. Однако если обратиться к истории "первобытной" [4, 79] христианской проповеди, можно убедиться, что в первые столетия христианской эпохи существовали 3 типа проповедей:

– *Глоссолалия* – говорение языками, ранее неизвестными говорящему. Состояние глоссолала (проповедника) характеризовалось состоянием экстаза, "под наитием преизбыточествующей благодати ... он становился вне себя". Речь его была до того восторженна и бессвязна, что часто должна была сопровождаться речью "истолкователя".

– *Профития* – пророчествование, проповедь, сочетающая в себе субъективное (авторское, человеческое) и трансцендентное (Авторское, Божье), с преобладанием, однако, второго. Речь проповедника была стройной и общепонятной.

– *Дидаскалия* – проповедь, произносимая под управлением разума, содержащая в себе рассуждения и доказательства, и действующая не только на чувство, но и на логическое восприятие. Здесь субъективное берет верх над трансцендентным, но не исключает его. Такая проповедь возможна лишь при специальной, не только богословской, но и риторической подготовке [4, 77-79].

По мере того, как христианское общество осваивалось с новым учением не только чувством, но и логическим восприятием, первоначальный экстаз учителей уменьшался, и уже при апостолах преобладала дидаскалия. Однако, заняв господствующее положение, дидаскалия приняла в себя некоторые элементы глоссолалии и профитии: "от глоссолалии приняла горячность и теплоту чувств, от профитии –

силу и выразительность" [4, 107]. Необходимо отметить, что первые два вида проповеди не отмерли окончательно и существуют в некоторых сектах и поныне.

Еще одним аргументом, объясняющим возникновение профетического направления и "оправдывающим" его существование, может послужить сравнение проповеди со светским ораторским произведением эпохи античности, в недрах которой и зародилась христианская проповедь.

Особенности, отличающие проповедь от светского ораторского произведения, сводились к следующему:

1. Христианская проповедь – это прежде всего изложение теоретического мировоззрения, причем не личного мировоззрения проповедника, а учения, данного свыше. В языческом же ораторстве принципиальная сторона или вовсе отсутствовала, или же, если и была, то в виде личных принципов оратора: у каждого оратора была своя философия, с точки зрения которой он и трактовал те или иные факты.

2. В христианской проповеди важной задачей является забота о пользе для слушателей, а не об успехе проповедника. Античная риторика была целиком и полностью ориентирована на говорящего, на успех его речи.

3. Действенность христианской проповеди, в отличие от светского ораторского произведения, зависит не только от ораторских способностей говорящего, но и Божьего дара, Божьей благодати, ниспосланной на говорящего (да и на слушающих тоже) (1 Кор.2: 4-5). Это та не поддающаяся определению харизматичность проповеди, то "пробывание в Духе" [11, 221], попытка объяснить которое "была бы крамолой против Бога, чудовищным порождением человеческого эгоизма, желающего и Бога подчинить себе" [11, 64].

Со временем светское ораторское искусство развивалось, менялись принципы, приемы, коммуникативные установки публичных выступлений. Не была статичной и проповедь, чему способствовали естественные исторические события: образование новых конфессий, эпоха Реформаторства и т.д. В своем современном виде она значительно отличается от раннехристианской проповеди.

Но до сих пор остается спорным вопрос о правомочности полного отождествления проповеди с публичным (ораторским) стилем.

Все лингвисты, соприкасающиеся с текстами проповеди, едины в том, что это – тексты воздействия. Некоторые исследователи, подчеркивая своеобразие текстов проповеди, предлагают наряду с общепринятыми функциональными стилями выделить еще и *духовный функциональный стиль* (стиль религиозных произведений и речи) [6, 314], другие относят проповедь к *оакральным* текстам [1, 102].

Причины, по которым нельзя безоговорочно отнести проповедь к публичному стилю, отчетливо просматриваются на экстралингвистическом уровне. Приведем некоторые из них:

Проповедь так или иначе всегда связана с текстом Библии. Даже если *предметом речи* является не толкование отдельных частей Евангелия или церковный праздник, а историческое или общественное событие, проповедник комментирует его в библейском аспекте.

Адресантом речи всегда является священник, по сути своей выполняющий роль посредника между адресатом (паствой) и Богом. (В канонах церкви право литургийной проповеди дается только лицам, имеющим благодать священства. При посвящении в сан священник получает, во-первых, "благодать учительства", а во-вторых, право говорить от имени церкви. Поэтому здесь не рассматриваются речи проповедников-сектантов, не признающих таинства священства). Проповедник обращается к слушателям не от своего имени, а проповедует слово Божие. В образе проповедника опять наблюдается известная двойственность: с одной стороны, он наделен особыми полномочиями в силу своего сана – доносить до слушателей Божественную истину, с другой стороны, он и сам слушатель этой истины.

Здесь можно возразить, что светский оратор также может выступать от чужого имени (напр., в политических выступлениях, в речах на судебных заседаниях). Однако предмет речи и отношение к нему говорящего носят здесь принципиально иной характер. Авторство в светском публичном выступлении играет столь же важную роль, как и в художественной литературе, тогда как проповедник не мыслит себя

непосредственным автором своей речи. Его цель – донести до слушателей вечные истины, открытые ему.

Несмотря на то, что *адресатом* проповеди является широкий круг слушателей разной социальной принадлежности, возраста, пола, с различной степенью знакомства с Библией и христианскими догматами, тем не менее это – адресат-союзник, готовый к восприятию проповеди и заинтересованный в ней.

Поведение аудитории на проповеди также значительно отличается от поведения светской аудитории. В отличие от последней, допускающей во время слушания светских речей различные формы вербального и невербального вмешательства (аплодисменты, возгласы, знаки одобрения – неодобрения), проповеди аудитория внимает в тишине и молчании.

Уникальным моментом коммуникативной ситуации проповеди является то, что контакт говорящего и слушающего налаживается задолго до начала проповеди, во время богослужения. Чтение Евангелия, молитвенное пение подготавливают слушающего к восприятию живого слова.

Какими бы сложными и противоречивыми свойствами не обладала проповедь, и как бы не решился в гомилетике вопрос о ее существе и природе, несомненно одно: этот очень своеобразный и яркий вид речевой деятельности заслуживает пристального внимания и изучения не только богословов, но и лингвистов, ибо "в проповеди раскрывается таинственность Слова" [7, 94].

Литература

1. Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания. – СПб., 1994
2. Амфитеатров Я.К. Чтение о церковной словесности или гомилетика. – Киев, 1846.
3. Арсеньев Н.С. Единый поток жизни (к проблеме единства христиан). – Брюссель, 1973. – С. 137-174.
4. Барсов Н.И. История первобытной христианской проповеди (до IV в.). – СПб., 1885.

5. Булгаков С.Н. Православие. Очерки учения православной церкви. – Париж, 1985. – С. 277-297.
6. Волков А.А. Основы русской риторики. – М.: Наука, 1993.
7. Кравченко А.Н. Близкие воспоминания. – Одесса, 2002. – С. 94-98.
8. Левшун Л.В. Проповедь как жанр средневековой литературы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1992.
9. Новый Завет. – М.: Изд. Моск. Патриархии, 1958.
10. Поснов М.Э. История Христианской Церкви. – Брюссель, 1964.
11. Флоренский П. Столп и утверждение истины. Собр. соч. Т. IV. – Париж, 1989.
12. Энциклопедический словарь. – СПб: Изд. Брокгауза и Ефрона, 1893. – Т. IX. – С. 161-165.
13. Энциклопедический словарь. – СПб: Изд. Брокгауза и Ефрона, 1893. – Т. XXV. – С. 458-459.
14. Юрьевский А. Гомилетика или наука о пастырском проповедании слова Божия. – Киев, 1903.
15. Murphy J.J. Rhetoric in the Middle Ages. A History of Rhetorical Theory from St. Augustine to the Renaissance. – Los-Angeles, London, 1971.